

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.В. Корякин

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru

Диалектика производительных сил и производственных отношений – движущее противоречие общественного процесса, представляющее собой отношение общественного содержания и формы. Содержание и форма предмета находятся в соответствии друг с другом и развиваются одновременно. Движение предмета от простого к сложному, реализующееся в диалектическом отношении простого и сложного (диалектике этапов), в качестве своего момента включает диалектику сторон предмета (в т. ч. содержания и формы). В объективном развитии диалектика сторон реализуется в соответствии с диалектикой этапов, одновременно с ней, в процессе мышления наблюдается как совпадение обеих форм диалектики, так и их расхождение. Последнее становится основанием для идеалистической диалектики, которой свойственно превращать стороны предмета в этапы его становления. В рассуждениях родоначальников и последователей марксизма о диалектике производительных сил и производственных отношений можно обнаружить «следы» идеалистической диалектики, что порою приводит к нарушению логической стройности описания общественного развития.

Ключевые слова: диалектика, объективная и субъективная диалектика, материалистическая и идеалистическая диалектика, производительные силы, производственные отношения, общественный процесс

Диалектика производительных сил и производственных отношений – одно из важнейших открытий исторического материализма, призванное описать и объяснить, как структуру общества, источники и движущие противоречия его существования и развития, так и смену общественного строя. Производительные силы – это сами люди, производящие собственную социальную материальную жизнь и сущность, их труд и способность к труду (рабочая сила). Реализация производительных сил осуществляется путем использования преобразованных природных объектов – средств производ-

ства (предметов и средств труда). Благодаря преобразовательной деятельности человека силы природы включаются в процесс общественного производства и также становятся производительной силой общества. Преобразуя себя, общество (других индивидов), природу, индивид встает в отношении к ним, порождает столь же объективные, как и он сам, его труд связи между ними – производственные отношения.

В предисловии «К критике политической экономии» К. Маркс дает предельно краткое изложение сути материалистического понимания истории, в т. ч. диалектики производительных сил и производственных отношений: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [1, с. 6–7]. И следом отмечает: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [1, с. 7]. Далее К. Маркс резюмирует: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [1, с. 7].

В отмеченном отрывке можно заметить некое странное противоречие между положением о соответствии (тождестве) элементов и всех форм общественного бытия и сознания (производительных сил и производственных отношений в частности) и утверждением о нарушении этого соответствия (различии) при переходе к новой формации. При абстрактно-диалектическом подходе к этому противоречию, впрочем, его «странность» до известной степени может быть снята, если учесть, что диалектике свойственно брать противоположности (в данном случае – соответствие и несоответствие) в единстве, выделяя при этом абсолютную и относительную из них. Однако относительная сторона в таком случае должна выступать в качестве

момента абсолютной. Стороны должны раскрываться одновременно, а не одна после другой. Проще говоря, соответствие производительных сил и производственных отношений должно присутствовать на всех этапах общественной жизни, в т. ч. при переходе к новой формации, и их несоответствие также – не только в условиях формационного перехода, но и в период господства зрелых форм каждого типа общества.

Открытие закона соответствия надстройки базису, общественного сознания общественному бытию, производственных отношений производительным силам своими корнями уходит глубоко в историю классической философии, которой всегда был свойственен поиск тождества и для ряда направлений – тождества и различия всех элементов и отношений действительности. Непосредственно К. Маркс подошел к открытию данного закона еще будучи редактором «Рейнской газеты». Он обнаружил соответствие идеологии и права системе господствующих в обществе отношений собственности [2; 3, с. 192]. В статье «К еврейскому вопросу» он выявил зависимость собственности от объективного состояния человеческой сущности [4], во «Введении к критике гегелевской философии права» – от практики, которая в отличие от немецких классиков была понята им как особого рода материальная сила человека, как способ существования, утверждения и реализации его сущности [5, с. 422]. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркс конкретизировал понимание практики как труда – социальной материальной деятельности и сконцентрировал свое внимание на диалектике труда и собственности [6]. Окончательные формулировки закона соответствия состоялись в неизданных при жизни авторов – К. Маркса и Ф. Энгельса – рукописях, получивших название «Немецкая идеология», и в опубликованной в 1847 г. «Нищете философии» К. Маркса, на которые автор «Капитала» непосредственно сослался при написании «Предисловия к критике политической экономии» [1, с. 8].

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что люди совпадают с тем, что и как они производят, а производят они, в первую очередь, себя, собственную материальную жизнь и объективные условия этой жизни [7, с. 19]. В процессе производства собственной жизни люди вступают в определенные материальные (экономические) отношения, в частности – в отношения собственности [7, с. 19 – 23]. Производство порождает не только производственные отношения, но структуру общества в целом – определенные социальные, политические и духовные связи между людьми [7, с. 24–25, 29–30]. Эту же мысль К. Маркс конкретнее воспроизвел в «Нищете философии» [8, с. 79–81, 129–147].

Одновременно К. Маркс шел к пониманию вызревания противоречий (несовпадения, несоответствия) между содержанием и формой общественной жизни в процессе их движения. В «Рейнской газете», первоначально руководствуясь гегелевским пониманием государства, он обнаружил, что

Прусская монархия не соответствует «духу» государства, поскольку она не выражает его общественной природы [9]. Далее он обнаружил существующие в обществе противоречия между частными интересами господствующих сословий и интересами народа в целом и пришел к выводу о несоответствии политической и экономической формы общества (частным присвоением) его общечеловеческому (родовому) содержанию [2, с. 132, 137]. Следующим шагом стало обнаружение противоречий в самом содержании общества – между родовой и индивидуальной сущностью человека. Данные противоречия непосредственно раскрываются в отчуждении индивидуальной сущности от родовой. В отличие от Г. Гегеля и Л. Фейербаха К. Маркс выявил данное отчуждение не только в мышлении, но и, прежде всего, в самом реальном процессе человеческой жизни, в способе человеческого существования – практике, труде [4].

Ключевым этапом в определении диалектики производительных сил и производственных отношений стал анализ отношения труда и собственности при переходе к коммунизму, представленный в завершающем разделе «Экономическо-философских рукописей 1844 г.». К. Маркс предположил, что становление будущего общества будет осуществляться по мере смены трех основных его форм – «грубого коммунизма», «демократического, или деспотического коммунизма» и «коммунизма как гуманизма». На первом этапе рабочие – основные субъекты труда при капитализме – будут стремиться упразднить господствующую в обществе частную форму собственности, которая является внешним выражением отчуждения их сущности. При этом отчужденный труд, порождающий частную собственность, останется без изменений. В силу данных обстоятельств частное присвоение не только никуда не исчезнет, но и достигнет своей высшей – всеобщей формы. Все общество превратится в частного собственника [6, с. 585–587]. На втором этапе должно будет обнаружиться стремление рабочих преодолеть отчуждение в самом труде, однако частная собственность, в ее уже всеобщем виде, останется еще не тронутой. И только на третьем этапе будет возможно окончательное положительное упразднение человеческого самоотчуждения, частной собственности и отчужденного труда [6, с. 587–588]. Коммунизм как гуманизм предстанет как «полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к себе как к человеку общественному, то есть человечному». При нем разрешится противоречие между индивидом и родом [6, с. 588]. Труд в таком обществе предстанет не как процесс отчуждения человека от собственной сущности, а как процесс ее развития. Со снятием отчуждения в труде и собственности, снятыми окажутся и все прочие формы отчуждения, реализующиеся в религии, семье, государстве и т.д. [6, с. 589].

Рассуждение К. Маркса в рукописях 1844 г. о диалектике труда и собственности при переходе к коммунизму в итоге легло в основу общей формулировки закона противоречия производительных сил и производственных отношений в процессе формационного перехода. Претерпевая некоторые уточнения с течением времени, формула данного закона, общеизвестный вариант которой был впоследствии представлен во введении к «Капиталу», присутствует в работах К. Маркса, начиная с «Немецкой идеологии».

Формула связи производительных сил и производственных отношений стала «трафаретной» и для определения сути прочих диалектических законов общественного развития – отношения общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки и т. д. В так называемых «Письмах об историческом материализме» Ф. Энгельс, например, определял тройственный характер отношения надстройки (социальных, политических, духовных связей) к базису (производственным отношениям). Надстройка вторична по отношению к базису, производная от него, но при этом обладает относительной самостоятельностью, автономностью и оказывает обратное (формальное – стимулирующее или тормозящее развитие) воздействие на базис [10; 11; 12; 13].

Общие соображения Ф. Энгельса о диалектике базиса и надстройки, а также замечание К. Маркса во введении к «Капиталу» о том, что в ходе социальной революции вслед за изменениями базиса происходят изменения «во всей громадной надстройке» [1, с. 7], позволили последователям марксизма конкретизировать закон смены формаций, акцентировав внимание на конфликте надстройки с базисом в условиях революционной ситуации. Ярким примером может служить тезис В.И. Ленина о «верхах», которые не могут, и «низах», которые не хотят жить по-старому.

Три момента диалектического отношения, выделенные Ф. Энгельсом в связи надстройки с базисом, не трудно обнаружить в диалектике производительных сил и производственных отношений. Производственные отношения зависят от производительных сил, возникают в ходе их развития, соответствуют им как экономическая форма социальному материальному содержанию. Производственные отношения обладают относительной самостоятельностью, поскольку в переходный исторический период они отстают в развитии от производительных сил, вступают в противоречие с ними. Производственные отношения оказывают обратное формальное влияние на производительные силы: способствуют их развитию, если приходят в соответствие с ними, либо тормозят их движение, если им не соответствуют. Однако стоит усомниться в том, что диалектика общественного бытия и общественного сознания (базиса и надстройки, труда и мысли в частности) идентична противоречию производительных сил и производственных отношений.

Диалектика общественного бытия и общественного сознания в своей сути есть отношение первичного-вторичного, тогда как диалектика производительных сил и производственных отношений – отношение содержания и формы. Бытие и сознание относятся к связанным, но отличным формам реальности – материальной и идеальной соответственно, тогда как производительные силы и производственные отношения – к одной и той же объективной реальности. Иными словами, в процессе общественной жизни диалектика раскрывается в двух планах – внутри одной формы реальности (объективной либо субъективной) и в отношении одной формы (субъективной) к другой (объективной).

Диалектика Г. Гегеля, как и прочих немецких классиков (определенные оговорки стоит сделать для раннего И. Канта, памятуя его неболярную гипотезу, и для Л. Фейербаха, учитывая его понимание отношения «Я и Ты», а также образа к оригиналу, т.е. предмету в мышлении), – всецело субъективная. С точки зрения Г. Гегеля природа, как и природные основы общественной жизни есть инобытие мышления. Формы и законы логики являются одновременно формами и законами бытия в целом, которые проявляются в природе. При этом сама по себе природа, согласно Г. Гегелю, лишена собственных источников развития и каких-либо порождающих его противоречий. Развивается лишь духовное содержание природы (понятие). Диалектика немецких классиков не только субъективная, но и идеалистическая, не смотря на различие их философской партийности. Противоречия они схватывали только в мышлении и в нем же они видели ее основание (субстанцию).

Диалектический материализм ввел четкое различие форм реальности (материи и сознания, общественного бытия и общественного сознания), обнаружив при этом диалектическое отношение первичности-вторичности между ними. Согласно современному материализму развитие является исключительным атрибутом материи и ее форм, в т. ч. человека как социальной формы материи. Сознание лишь отражает развитие материального мира, но в специфической, не совпадающей с ним идеальной, субъективной форме. Диалектика, таким образом, выступает в двух, связанных отношении первичности-вторичности основных формах – объективной и субъективной. Конспектируя работы Г. Гегеля, В.И. Ленин в частности отмечал, что необходимо различать диалектику вещей и диалектику понятий. «Гегель гениально угадал диалектику вещей (явлений, мира, природы) в диалектике понятий... Диалектика вещей создает диалектику идей, а не наоборот» [14, с. 154].

Ф. Энгельс (в «Анти-Дюринге», «Диалектике природы») и В.И. Ленин (в «Философских тетрадах»), впрочем, преимущественно делали акцент на содержательном тождестве двух форм диалектики. Формальное их несовпадение во многом ограничивалось самым общим пониманием различия

первичного и вторичного, материального и идеального. Субъективная диалектика преимущественно рассматривалась как копия объективной, в определенной степени приближенная к оригиналу (развитию материального мира). Подобный акцент был вполне оправдан исторической ситуацией становления и утверждения новейшего материализма, в частности обстановкой борьбы с идеализмом и идеалистической диалектикой. Однако, утверждая тождество «двух диалектик», не стоит упускать из виду их различие.

Согласно К. Марксу, идеальное есть предмет, пересаженный в голову человека и преобразованный в ней [15, с. 155]. Имея предметное содержание, сознание тождественно материи, но как преобразованный предмет, оно не совпадает с оригиналом. Наиболее принципиальным вопросом является характер этого преобразования. Вряд ли он сводится лишь к количественному выражению, т. е. степени тождества образа предмету, точности его воспроизводства в человеческой голове. Важным итогом прошедшей в послевоенной советской философии дискуссии о природе сознания стало введенное В.В. Орловым определение идеального как предмета, лишённого своего непосредственного субстрата и существующего на основе иного, высокоорганизованного, универсального субстрата – человека [16, с. 155]. Данное определение позволяет уяснить, что сознание, в конечном счете, есть весь материальный мир, данный человеку в процессе практического преобразования, включающий материальный субстрат самого мыслящего субъекта, но существующий при этом не на своей собственной основе, а на основе познающего человека. Важно подчеркнуть, что представление человека о себе также не совпадает с его объективным бытием. В сознании индивид вымещает все субстраты, в т. ч. свой собственный. Идеальный мир есть свойство человека.

Будучи лишённым своего собственного субстрата в сознании, предмет лишается и своих непосредственных источников существования и развития. Источником его движения теперь становится объективная человеческая жизнь, исторически определенный способ ее индивидуального и общественного производства (развития). Важно подчеркнуть, что источник движения мысли находится не в ней самой и не во внешней индивиду природе непосредственно, а в бытии познающего человека, связанного с материальным миром посредством практики. Законы развития мира (природы, общества) отражаются в голове человека лишь в той мере, в которой они становятся законами самого человеческого существования в процессе практической деятельности. Коренное отличие идеального от материального, стало быть, заключается в том, что оно к саморазвитию не способно. Развиваются только материя и только материальный индивид. В данной связи может возникнуть вопрос, а правомерно ли в таком случае говорить о субъективной диалектике, если диалектика мысли в принципе не свойственна?

Может, имеет смысл утверждать лишь о диалектике объективного содержания мысли, но не о диалектике ее субъективной формы?

Развитие есть процесс движения от низшего к высшему, или от простого к сложному. Сложное в отличие от простого обладает большим многообразием, оно есть интегрированное многообразие. Развитие, таким образом, есть ни что иное как процесс накопления, интеграции многообразия. Возникновение нового раскрывается в появлении новых свойств, сторон и отношений предмета. Новое содержание предмета, таким образом, дает новую форму его существования. Подобным образом осуществляется развитие материального мира и человека как социального материального существа, или объективная диалектика. Подобным же образом раскрывается движение объективного содержания мысли. Но непосредственное изменение формы мышления происходит иначе.

Сознание, не обладая собственными источниками развития, само по себе ничего нового не создает. Все новое приходит извне его, из объективной реальности. Производя свою жизнь, человек преобразует и себя как предмет, и любой другой материальный объект. В практике осуществляется взаимодействие человека с собой, другими людьми, природой. Стороной любого взаимодействия является отражение. Будучи универсальным способом развития и взаимодействия, практика реализует универсальный способ отражения, наполняя, таким образом, бесконечным объективным содержанием человеческую мысль. Сознание не создает предмет, оно его воспроизводит в процессе отражения. Развитие мысли, или процесс познания осуществляется посредством появления в голове нового идеального предмета, его идеальных свойств, сторон и отношений. Появление нового идеального предмета в дополнение к уже имеющимся (сохраненными в памяти), приведение в соответствие его с прочими, ранее отраженными предметами представляет собой процесс накопления и интеграции идеального многообразия, или идеального (субъективного) развития. Сложное идеальное есть интегрированное идеальное многообразие.

В ходе практики человек создает сложное и одновременно в измененном виде воспроизводит присутствующее в нем простое. Однако в сознании объективные простое и сложное оказываются сторонами одного и того же появившегося идеального предмета, т.е. одинаково сложными. Этот идеальный предмет является новым (и сложным) непосредственно лишь в отношении к уже имеющимся знаниям, но не к объективно возникающему сложному. Различение объективно простого и сложного в предмете осуществляется впоследствии не в силу чисто аналитического расчленения, а лишь посредством постоянного обращения к практике, т.е. к объективному миру, в котором только и присутствует развитие.

Обездвиживая предмет посредством придания ему идеальной формы, сознание способно удерживать его сравнительно долго в неизменном виде, даже если он поменялся или вовсе исчез. Выхваченный из объективной реальности предмет в качестве образа становится уже предметом для мышления. Мысленно человек сопоставляет идеальный предмет с другими столь же идеальными предметами, приводит их в соответствие друг с другом, выявляя новые их стороны. Выделение сторон (в т. ч. свойств и отношений) обездвиженного предмета как раз и составляет суть процесса субъективной диалектики на уровне ее формы. Развитие мысли в субъективном плане по сути совпадает с движением от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, т. е. движением от одной стороны одного и того же (неизменного) предмета к другой.

В движении мысли, таким образом, можно выделить две диалектики: на уровне объективного содержания – «диалектику этапов», или простого и сложного, свойственную объективному миру в целом, и на уровне субъективной формы – «диалектику сторон». В пределах объективного развития эти две формы диалектики совпадают, реализуются одновременно: появление нового предмета раскрывается в его новых сторонах, свойствах и отношениях. В рамках же развития сознания осуществляется их относительное размежевание, поскольку сознание является альтернативной материи реальностью, но при этом вторичной по отношению к ней. На уровне объективного содержания сознание фиксирует единство содержания и формы, но как только идеальный предмет в мышлении подменяет собой оригинал, форма отрывается от содержания.

Относительное расхождение диалектики этапов и диалектики сторон в мышлении является основанием для выстраивания разных по философским основаниям теорий развития. Идеалистическая диалектика, полагая сознание первичным, а развитие исключительным его атрибутом, отождествляет восхождение от простого к сложному с процессом конкретизации, т.е. выделением сторон предмета и движением от одной его стороны к другим. Примечательной, к примеру, является трактовка социального процесса авторами эпохи Просвещения как движения от невежества к знанию, от необходимости к свободе, от физического (материального) труда к умственному и т. п. Самым ярким примером демонстрации идеалистической диалектики является система Г. Гегеля, который буквально раскрывает мировой (логический) процесс как движение от абстрактного к конкретному, от предельно общего понятия чистого бытия к его конкретному смысловому многообразию, явленному в природе и обществе. В результате стороны действительности у Г. Гегеля не раскрываются в единстве всего своего многообразия изначально, а формируются одна за другой, постоянно сочетаясь друг с другом.

Идеалистическая диалектика изначально устраняет из формы всякое содержание, при этом саму форму полагает исключительно идеальной, и лишь в процессе развертывания этой формы наполняет ее объективным содержанием и обнаруживает ее проявление в связях между объективно существующими предметами. Законы движения формы при этом оказываются законами движения содержания.

Сами законы диалектики в идеализме интерпретируются как законы движения сторон предмета, а не восхождения предмета от его простых состояний к сложным. Описанный Г. Гегелем в разделе о бытии в «Науке логики» закон единства качественных и количественных изменений раскрывается, к примеру, как движение от количества к качеству, а затем их единству – мере [17, с. 215–263]. Внутренняя определенность предмета (качество) изначально в Гегелевой системе существует без его внешней определенности (количества), а затем внешняя определенность без внутренней, и только на этапе меры качество и количество обретают единство. В объективном же существовании предмет одновременно качественно и количественно определен. Качественные и количественные характеристики предмета, как и их определенное единство (мера) развиваются одновременно, а не одно после другого. Аналогичным образом интерпретируются и прочие законы диалектики – единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания. Тождество, различие и основание (единство тождества и различия) у Г. Гегеля выступают в качестве этапов рефлексии предметов [17, с. 269–280]. Положение, отрицание и снятие отрицания, пронизывающие весь ход развертывания бытия, также сменяют друг друга.

Материалистическая диалектика переворачивает идеалистическую, ставит ее «с головы на ноги», обнаруживая источник развития не в сознании, а в объективном мире и в объективном бытии человека. Примечательно, что Г. Гегель, заявляя о бесконечности движения сознания, так и не смог эту бесконечность продемонстрировать. В его философии у мира с неизбежностью обнаруживается начало (чистое бытие, или точнее – понятие чистого бытия) и множество «концов» – в истине, которая есть завершившее свое движение понятие в виде системы категорий самого Г. Гегеля, в Прусском государстве, в христианстве (по сути, в протестантизме) в романтическом искусстве и т. д. Диалектика Г. Гегеля наглядно демонстрирует принципиальную ограниченность ее идеалистических оснований. Однако перевод диалектики на материалистические рельсы, как показывает становление и развитие марксизма, не является и не может быть буквальным.

При переходе на собственно диалектико-материалистические позиции К. Маркс и Ф. Энгельс демонстрируют, как может показаться на первый взгляд, стремление обнаружить открытые Г. Гегелем законы развития в объ-

ективном бытии мира и человека. Во многом это было обусловлено конкретно-исторической задачей смены философских оснований диалектики и необходимостью доказательства, что законы мышления производны от законов материи, отражают их. Другими словами, акцент ставился на тождественности законов мышления законам объективной реальности, а не на их различии. До сих пор как во вполне академической, а также учебной марксистской литературе, так и в научно-популярных изложениях диалектического материализма встречается стремление наполнить созданную Г. Гегелем диалектику материалистическим содержанием без учета особенностей ее формы. К примеру, ставшая «школярской», в значительной мере упрощающая (и извращающая) даже Гегелеву формулу закона отрицания отрицания, схема «тезис – антитезис – синтез», примененная к объективной действительности (смене форм материи и движения, этапов исторического процесса) демонстрирует как раз идеалистическую интерпретацию данного закона, превращающую стороны предмета в этапы его развития. Следы идеалистической по форме, но уже не по содержанию, диалектики можно встретить, например, в рассуждениях К. Маркса о становлении коммунистического общества в «Рукописях 1844 г.», у Ф. Энгельса в «Диалектике природы», в которой большей частью автор занят иллюстрацией явлениями естественного мира открытых Г. Гегелем законов.

Однако, как только К. Маркс и Ф. Энгельс формулируют идею об историческом характере человеческой жизни (а несколько позже материального мира в целом), о исторически определенных, сменяющих друг друга способах ее производства, диалектика сторон превращается в рассуждениях авторов новейшего материализма в момент диалектики этапов. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что люди, определенным образом производя собственную жизнь, вступают в определенные производственные отношения, на основе которых формируются все прочие связи между индивидами. Причем появление всего многообразия отношений осуществляется одновременно с новым способом производства (а не после него) и в соответствии с ним [7, с. 19–25, 29–30].

«Сердцевиной» материалистической диалектики являются не законы, открытые Г. Гегелем, или один из них (закон отрицания отрицания, как полагал Г. Гегель, или закон единства и борьбы противоположностей, как считал В.И. Ленин), а т. н. всеобщий закон развития – последовательного восхождения от простого к сложному, или от низшего к высшему (точнее – от простых форм материи к сложным, применительно к обществу – от простых формаций к сложным). В конкретном плане всеобщий закон раскрывается в системе диалектических законов отношения простого и сложного, частью открытых еще основоположниками марксизма, частью – их последователями [14, с. 157–240; 18, с. 384–407, 552–570; 19; 20; 21; 22, с. 210–

284]. Законы Г. Гегеля, по сути, являются лишь абстрактным (безотносительным к развитию как восхождению от простого к сложному, как ни парадоксально это звучит), формальным выражением всеобщего закона развития и системы производных от него конкретно-всеобщих закономерностей. Именно в связи со всеобщим законом законы абстрактной диалектики должны быть пересмотрены ради устранения «следов» идеалистической диалектики в новейшем материализме.

Каждый этап развития материального мира (будь то форма материи или общественная формация) имеет свою качественную и количественную определенность, свою меру отношения, которые реализуются одновременно (а не одно после другого) и развиваются по мере эволюции данного этапа. Каждая исторически определенная форма материи и формация содержат в себе определенные базовые (движущие) противоречия в их единстве. Каждый этап развития как «положение» содержит в себе свое собственное «отрицание» (определенные пределы), которое нарастает по мере эволюции этого этапа (положения) и в связи с ним (а не после него), и преодолевается (снимается) на последующем качественно более сложном этапе общественного развития.

В «Капитале» К. Маркс раскрывает основное противоречие капиталистического общества между общественным характером производства и частной формой присвоения его условий и результатов. При этом по мере обобществления производства посредством различных форм кооперации и использования все более сложных средств производства, повышающих производительность труда, нарастает характер частного присвоения, выражающееся в концентрации капитала в руках все более узкого круга предпринимателей. Данное противоречие между содержанием (производительными силами) и формой (производственными отношениями) капиталистического производства, впрочем, своими корнями уходит в противоречия, складывающихся в рамках самих производительных сил.

Конкретный труд непосредственных производителей при капитализме приобретает форму частичного (узко специализированного, одностороннего, доведенного до элементарного предметного действия) материального труда, в силу чего он естественным образом создает условия для его отчуждения. При частичном труде отношение к средствам производства оказывается столь же частичным. В своем непосредственном трудовом действии пролетарий не присваивает предмет целиком, а присваивает лишь его определенную сторону. Не присваивает предмет целиком и совокупный (кооперированный) рабочий. Отношения между пролетариями всегда опосредуются процессом купли-продажи их рабочей силы, в результате чего возможность относительно полного присвоения предмета (средств производства) возникает исключительно у предпринимателя и, что примечательно,

уже за пределами непосредственного производства. Предприниматель присваивает средства производства, сам непосредственно ничего не меняя в них. Производство и накопление капитала, таким образом, становится возможным лишь на основе кооперированной частичной деятельности рабочих. При этом производственная кооперация частичных рабочих оказывается непосредственно-опосредованной: непосредственной – в рамках самого производственного цикла, опосредованной в рамках отношения с предпринимателем.

Частное капиталистическое присвоение не противоречит характеру частичного (капиталистического) труда, оно является естественной для данного исторически определенного типа труда формой, столь же исторически ограниченной, как и сам частичный труд. Утверждение К. Маркса о противоречии между общественным характером производства и частной формой его присвоения при капитализме, которое по мере нарастания приведет к коренному перевороту в общественной жизни, формированию соответствия производственных отношений характеру производительных сил (обобществлению собственности), стало быть, нуждается в существенном прояснении.

К. Маркс и Ф. Энгельс уже в ранних работах начали выстраивать особое понимание человека как существа универсального, родового и индивидуального. Производство собственной универсальной, родовой и индивидуальной жизни люди реализуют в своей повседневной практической деятельности, а не только в сознании, как полагали предшественники родоначальников марксизма – немецкие классики. Труд создает и раскрывает все бесконечное богатство содержания человека. История представляет собой процесс универсализации, обобществления и индивидуальности жизни индивидов в их связи друг с другом.

Разделение труда на непосредственно материальный и умственный, формирующееся по мере разделения самого непосредственно материального труда (по отраслям, специальностям), приводит к разделению и форм собственности: индивидуально-общественное присвоение, свойственное первобытности, сменяется непосредственно индивидуальным (в т. ч. частным) и опосредованно общественным. Отрыв индивидуального присвоения от общественного, являющийся выражением отрыва индивидуального труда от общественного, их противопоставление, в конечном счете, породил череду способов производства общественной жизни, в которых индивидуальное производство вступает в конфликт с общественным, а каждый конкретный индивид отчуждается от своей родовой сущности. Можно, таким образом, заключить, что частная собственность при капитализме противоречит не столько капиталистическому способу производства как таковому, сколько способу развития человека вообще. Капитализм, будучи этапом развития родовой и индивидуальной сущности человека, до предела обостряет

размежевание индивида и рода в процессе производства. Формулируя в первом и конкретизируя в третьем томе «Капитала» всеобщий закон капиталистического накопления, К. Маркс отмечал, что рабочий становится тем беднее, чем больше общественного богатства он создает. И речь шла не только о «вещественной» стороне богатства, но и о человеческом его измерении. Капитал создается в процессе реализации частичного кооперированного труда. Рост многообразия специальностей, свидетельствующий об усложнении общественного производства в целом, осуществляется при капитализме за счет обеднения навыков (узкой специализации) каждого производителя в отдельности. Рост многообразия индивида и общества оказываются в обратно-пропорциональной зависимости.

Утверждение К. Маркса о том, что переход к коммунизму осуществится, когда присвоение будет приведено в соответствие с общественным характером производства, стоит признать справедливым, если принять во внимание, что и само производство при этом должно стать подлинно общественным. Еще в «Рукописях 1844 г.», К. Маркс предполагал, что обобществление средств производства само по себе еще не снимает отчуждения индивида от общества и самого себя, не преодолевает капиталистического характера производства. Становясь собственниками средств производства, рабочие выступают по отношению к себе как ассоциированный частный собственник. Частная собственность не устраняется, а приобретает всеобщий вид. Причина этому кроется как раз в том, что труд не перестает при этом быть отчужденным (частичным – в более позднем, конкретном определении К. Маркса) [6, с. 855–857]. Опыт социалистического строительства в XX веке показал, что господство в производстве частичного труда с неизбежностью порождает частное присвоение, которое первоначально могут осуществлять пролетарское государство в целом, отдельные производственные коллективы и их ассоциации, а затем выделившаяся из рабочей среды бюрократия, обуреваемая в перспективе стремлением закрепить свое право на управление путем минимизации ротации руководящих работников, а впоследствии посредством юридического закрепления этого права, возвращая ему, по сути, форму частного присвоения.

В ряде мест «Капитала» К. Маркс проговаривает, что в недрах буржуазного общества вызревают не только новые, уже не вполне капиталистического типа производственные отношения (кооперативные фабрики и кредитные учреждения, акционерные общества) [23, с. 432], но и новые производительные силы. Формируется сложный научный материальный общественный труд, аккумулирующий в себе труд предшествующих поколений, или т. н. всеобщий труд [23, с. 116]. Согласно современным представлениям всеобщий труд – это сложный материальный труд, в котором благодаря ис-

пользованию сложно автоматизированной и электронной технике интегрируется множество частичных трудовых действий, осуществляющихся не попеременно, одна после или вместо другой (как при капитализме), а одновременно. Как интегрированный материальный труд, он сопровождается сложной умственной (научной) деятельностью [24, с. 168–202; 25, с. 207–210, 217–229; 26, с. 18–28]. В данной связи можно заключить, что в основе отмеченного К. Марксом противоречия между старыми общественными отношениями и нарождающимися новыми производительными силами лежит более фундаментальный антагонизм между старыми и новыми производительными силами, и соответствующими им производственными отношениями, проще говоря – между простыми и сложными формами труда и соответствующими им формами собственности.

Диалектика простого и сложного лежит в «сердцевине» развития любого предмета, в качестве ее момента выступает диалектика сторон предмета. В объективном состоянии обе диалектики находятся в единстве. Их относительное расхождение возникает лишь в сознании человека, поскольку сознанию свойственно полагать предмет и как объективно существующий (развивающийся), и как идеальный (лишенный непосредственного источника развития в себе). Чем глубже раскол между умственным и материальным трудом, тем выше вероятность превращения идеального предмета в отправной предмет исследования, а стало быть, выше вероятность перехода на позиции идеалистической диалектики, склонной превращать стороны предмета в этапы его развития. Стороны предмета не могут ни сменять друг друга, ни отставать в развитии одна от другой, они находятся в соответствии друг с другом, развиваются одновременно. Отставание формы от содержания в развитии, относительная асинхронность в движении сторон свойственны только сознанию, т.е. идеальным предметам. Они свойственны, стало быть, надстройке, т. е. мышлению, которое реализуется посредством специфических форм материальной деятельности, не являющихся собственно трудом – производству знаков, насильственных действий и т. п. Буквальное толкование тезиса К. Маркса о конфликте старых общественных отношений и нарождающихся новых производительных сил как сути нарастающего социального переворота, стоит признать, является данью идеалистической диалектике.

Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о диалектике производительных сил и производственных отношений в полной мере обретает материалистический вид лишь при условии четкого понимания единства сторон объективно развивающегося предмета. Любые попытки отрыва формы от содержания, свойства от предмета несут в себе след идеалистической диалектики, способной ухватить суть объективных изменений лишь в ограниченной степени, но никогда в корне.

Список литературы

1. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1959. Т. 13.
2. *Маркс К.* Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
3. *Маркс К.* Оправдание мозельского корреспондента // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
4. *Маркс К.* К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
5. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 3.
8. *Маркс К.* Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 4.
9. *Маркс К.* Дебаты о свободе печати // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
10. *Энгельс Ф.* Письмо И. Блоху // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 394–395.
11. *Энгельс Ф.* Письмо К. Шмидту // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 416–418.
12. *Энгельс Ф.* Письмо Ф. Мерингу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 82–82.
13. *Энгельс Ф.* Письмо В. Боргиусу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 175.
14. *Ленин В.И.* Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Ленин В.И. Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1986. Т. 5. Ч. 2. С. 65–191.
15. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1960. Т. 23.
16. *Орлов В.В.* Материя. Развитие. Человек. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1974. 397 с.
17. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. М.: Изд-во «Мысль», 1975. 456 с.
18. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 343–628.
19. *Свидерский В.И.* Противоречивость движения и ее проявления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 142 с.
20. *Мостепаненко М.В., Мелюхин С.Т., Штофф В.А.* Проблема развития в природе и обществе. М.: Изд-во академии наук, 1958. 296 с.
21. *Вислобоков А.Д.* Марксистская диалектика и современным механицизм. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1962. 240 с.
22. *Орлов В.В.* Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1966. 438 с.
23. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1988. Т. 9. Ч. 1–476 с.
24. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Труд и социализм. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1991. 203 с.
25. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Философия экономики. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005. 264 с.
26. *Корякин В.В.* Современный мир и философия // Новые идеи в философии. 2013. Вып. 21. Т. 1. С. 11–30.

ON THE QUESTION OF THE DIALECTIC OF PRODUCTIVE FORCES AND INDUSTRIAL RELATIONS

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University

15, Bukireva St., Perm, 614068

The dialectic of productive forces and industrial relations is the driving contradiction of the social process, which is the relationship of social content and form. The content and form of the object are in accordance with each other and develop simultaneously. The movement of an object from simple to complex, realized in the dialectical relation of simple and complex (the dialectic of stages), as its moment includes the dialectic of the sides of the object (including content and form). In objective development, the dialectic of the parties is realized in accordance with the dialectic of the stages, simultaneously with it, in the process of thinking, both the coincidence of both forms of dialectics and their divergence are observed. The latter becomes the basis for idealistic dialectics, which tends to turn the sides of an object into stages of its formation. In the arguments of the founders and followers of Marxism about the dialectic of productive forces and industrial relations, one can find "traces" of idealistic dialectics, which sometimes leads to a violation of the logical harmony of the description of social development.

Keywords: dialectics, objective and subjective dialectics, materialistic and idealistic dialectics, productive forces, industrial relations, social process